

Фолькельт Иоганнес Эммануил

**Артур Шопенгауэр, его личность
и учение**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И75

И75 **Иоганнес Эммануил Ф.**
Артур Шопенгауэр, его личность и учение / Фолькельт Иоганнес Эммануил – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 422 с.

ISBN 978-5-521-28494-8

ISBN 978-5-521-28494-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

прославляется теперь разумность и зрѣлость массы. Какимъ же ретроградомъ долженъ представляться Шопенгауэръ, такъ мало довѣрявшій «грубому» и «неотесанному» разумѣнію «портныхъ и перчаточниковъ» и считавшій народъ «вѣчно несовершеннolѣтвнымъ владыкой», который постоянно долженъ находиться подъ опекой (V, 255, 266). Посредственному и пошлomu большинству онъ противопоставляетъ исключительную личность,—геніи и святого: только благодаря генію и святому создаются дѣйствительно полезныя для блага человечества цѣнности; только въ нихъ міръ имѣетъ оправданіе своего бытія: геній и святой являются чѣмъ-то въ родѣ метафизическаго чуда. Какъ непріятно должны звучать эти слова въ наше время для тѣхъ многочисленныхъ сферъ, которыя заранее относятся къ генію съ недовѣріемъ, завистью и ненавистью, стараясь отыскивать въ немъ всевозможные недостатки и всячески его умалять, или же выставять его опаснымъ для демократическаго равенства! А что касается «святыхъ», то съ ними «дѣти нашего вѣка» ужъ и совсѣмъ не знаютъ что дѣлать.

Я вовсе не желаю вопреки этому отрицательному и неблагопріятному мнѣнію утверждать, что въ упомянутыхъ воззрѣніяхъ Шопенгауэра истина находится на его сторонѣ; я утверждаю только, и желаю бы разъяснить это моимъ дальнѣйшимъ положеніемъ, что тѣ воззрѣнія Шопенгауэра, изъ-за которыхъ онъ представляется устарѣлымъ и не отвѣчающимъ на запросы современности, очень многому еще могутъ научить насъ; что его точка зрѣнія можетъ помочь намъ вооружиться необходимымъ недовѣріемъ къ «своевременному» и дать намъ основанія для критическаго отношенія къ «современному». Ученіе, развиваемое Шопенгауэромъ какъ метафизикомъ и аристократическимъ философомъ-пессимистомъ, можетъ заключать въ себѣ много односторонняго, — но оно можетъ тѣмъ не менѣе

служить хорошимъ противовѣсомъ противъ господства нѣкоторыхъ опасныхъ предразсудковъ нашего времени. Современное образованіе страдаетъ суевѣріемъ и отсутствіемъ критики,—и мнѣ кажется, что Шопенгауэръ можетъ послужить недурнымъ пособіемъ для устраненія этихъ недостатковъ.

Но и независимо отъ подобныхъ отношеній къ современнымъ заблужденіямъ, философія Шопенгауэра богата плодотворными идеями. Какъ ни часто встрѣчаемся мы въ ней съ рѣзкими противорѣчіями, непонятными положеніями, неожиданностями, преувеличеніями и даже несообразностями, все-таки, остается несомнѣннымъ, что въ ней есть много прекрасныхъ и здравыхъ сужденій, способствующихъ умственному прозрѣнію человѣка,—много цѣнныхъ истинъ и въ особенности много поощренія къ смѣлому, свободному и гуманному міросозерцанію. Но для того, чтобы это признать, надо представлять себѣ истину не въ абсолютной только формѣ, а и въ относительномъ ея значеніи.

Надъ изученіемъ Шопенгауэра стоитъ однако потрудиться и ради другой цѣли. Въ его философіи ярко и осязательно отражается его собственная сильная и своеобразная личность. Въ эмпирическомъ я Шопенгауэра много мелочного и болѣзненнаго, мрачности и упрямства; но въ своихъ сочиненіяхъ онъ обнаруживается въ просвѣтленномъ и возвышенномъ видѣ, въ нихъ какъ-бы выступаетъ его умопостижаемое я. И если Шопенгауэръ какъ человѣкъ, при всѣхъ своихъ непріятныхъ и слишкомъ «земныхъ» чертахъ, все-таки обладаетъ значительною, сильною и привлекательною оригинальностью, то какъ писатель онъ отличается этимъ качествомъ въ несравненно большей степени: въ его лицѣ мы видимъ геніальное, полное могучихъ силъ произведеніе мірового духа — или, скажемъ скромнѣе,—духа земли. Если допустить, что геній человѣчества воплощается во всевозможныхъ

типахъ великаго, то должно было явиться на свѣтъ и нѣчто подобное Шопенгауэру.

Наконецъ, я склоненъ думать, что въ современной духовной жизни, не взирая на всѣ указаніе мною выше контрасты, все-таки, найдется не мало чертъ, родственныхъ мыслямъ и настроенію шопенгауэровской философіи. У ближайшихъ послѣдователей Рихарда Вагнера мы видимъ связь не только съ воззрѣніями Шопенгауэра на музыку, но и съ тѣми взглядами на жизнь и міръ, которые нашли себѣ выраженіе въ его философіи. Далѣе, можно указать на вліяніе, приобрѣтенное въ наше время Толстымъ: въ его нравственномъ ученіи, проникнутомъ идеями жалости и аскетизма, въ его отношеніи къ вопросамъ половой любви и культуры проявляется духъ, близко родственныи духу Шопенгауэра. Затѣмъ, мнѣ кажется, что новѣйшій романтизмъ въ искусствѣ и поэзіи во многихъ отношеніяхъ близко подходитъ къ настроеніямъ и идеямъ Шопенгауэра, хотя въ этомъ знаменательномъ и симпатичномъ направленіи современнаго искусства, конечно, гораздо сильнѣе чувствуется вліяніе Нитцше. Ближайшее знакомство съ новѣйшими произведеніями художественной фантазіи показываетъ, что Шопенгауэръ съ своимъ ученіемъ о геніи, какъ о чемъ-то сверхъ-человѣческомъ, объ освободительномъ значеніи искусства для человѣчества и вообще—съ своимъ безстрашнымъ пессимизмомъ и неумѣреннымъ романтизмомъ стоитъ вовсе не такъ далеко отъ современности, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Этими указаніями на многія родственныя черты, сближающія Шопенгауэра съ умственной жизнью нашего времени, въ достаточной степени оправдывается попытка новаго изложенія и разбора шопенгауэровской философіи.

ГЛАВА II.

Изъ жизни Шопенгауэра.

Я не буду послѣдовательно излагать событія жизни Шопенгауэра, а остановлюсь только на тѣхъ ея фактахъ, которые имѣютъ значеніе для развитія его философіи.

Здѣсь, прежде всего, мы встрѣчаемся съ неправильнымъ и свѣтскимъ воспитаніемъ, какое далъ ему отецъ, сторонникъ свободнаго отъ предразсудковъ просвѣщенія, не расположенный къ педагогической учености. Даже на семидесятомъ году своей жизни Шопенгауэръ съ удовольствіемъ вспоминалъ о томъ, какъ его отецъ, «купецъ», говорилъ: «Мой сынъ долженъ читать книгу свѣта»¹⁾. Девятилѣтнимъ мальчикомъ—Артуръ родился 22 февраля 1788 года въ Данцигѣ—отецъ взялъ его съ собой во Францію и оставилъ на два года въ Гаврѣ, въ семьѣ одного изъ своихъ друзей. Здѣсь онъ такъ основательно превратился въ француза, что по возвращеніи на родину, къ радости отца, почти пересталъ понимать родной языкъ. Затѣмъ въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ учился въ Гамбургѣ, куда его семья переселилась въ 1793 г. (его отецъ, сторонникъ

¹⁾ Gespräche und Briefwechsel mit Arthur Schopenhauer. Aus dem Nachlasse von Karl Bähr, herausgegeben von Ludwig Schemann, Leipzig, 1894. S. 40.

вольностей имперскихъ городовъ не желать мириться съ присоединеніемъ Данцига къ Пруссіи) — въ частномъ учебномъ заведеніи, имѣвшемъ цѣлью преимущественно образованіе будущихъ купцовъ. Къ огорченію отца, въ Артурѣ пробудилось сильное стремленіе къ научнымъ занятіямъ. Онъ сталъ осаждать отца постоянными просьбами о томъ, чтобы его отдали въ гимназію. Отецъ прибѣгнулъ къ хитрости: зная страсть сына къ путешествіямъ, онъ предложилъ ему на выборъ: или окончательно отказаться отъ ученой карьеры и сейчасъ же отправиться вмѣстѣ съ родителями въ путешествіе на нѣсколько лѣтъ, или отказаться отъ путешествія и поступить въ гимназію. Артуръ выбралъ путешествіе. Въ возрастѣ отъ 15 до 17 лѣтъ онъ объѣхалъ Германію, Австрію, Швейцарію, Францію, Англію и передалъ свои впечатлѣнія въ дневникѣ, который хотя и сохранился, но издавъ не цѣлкомъ ¹⁾). Этотъ дневникъ является отраженіемъ внѣшней и внутренней жизни живого, своеобразнаго и вдумчиваго юноши. По окончаніи путешествія, въ началѣ 1805 года, онъ поступилъ въ ученіе къ одному крупному негоціанту. Работы, которыми ему пришлось теперь заниматься, были для него истиннымъ наказаніемъ; онъ всѣми силами души стремился прочь отъ коммерческой дѣятельности. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя умеръ его отецъ, а въ слѣдующемъ году мать переѣхала въ Веймаръ. До какой степени несчастнымъ чувствовалъ себя Артуръ за своей купеческой конторкой, — ясно видно изъ его писемъ къ матери. Эта послѣдняя рѣшила, наконецъ, не принуждать сына къ занятіямъ, которыя противорѣчили его натурѣ, и предложила ему оставить коммерческое дѣло и обратиться къ изученію древнихъ языковъ ²⁾). Прочитавъ это пись-

¹⁾ Wilhelm Gwinner, Schopenhauers Leben. 2 Aufl. Leipzig 1878. S. 21—32. Cp. Eduard Griesbach, Schopenhauers Geschichte seines Lebens. Berlin 1897. S. 21 ff.

²⁾ Приблизительно такъ выражается она въ письмѣ къ Артуру отъ

мо, Артуръ, какъ онъ самъ сообщаетъ ¹⁾, залился слезами и тотчасъ же рѣшилъ посвятить себя наукѣ. Въ Готѣ, а главнымъ образомъ—въ Веймарѣ, онъ съ неутомимымъ усердіемъ занялся древними языками и съ небольшимъ черезъ два года былъ уже готовъ къ поступленію въ университетъ.

Этотъ способъ приобрѣтенія знаній, свободный отъ узкаго и сухого школьнаго обученія, конечно, имѣлъ весьма важное значеніе для духовнаго развитія Шопенгауэра. Невольно вспоминается, что этотъ человѣкъ, не смотря на свою одностороннюю наклонность къ пессимизму, принадлежалъ къ числу строгихъ и точныхъ наблюдателей человѣческой природы, обладающихъ умѣньемъ пслѣдовать и раскрывать мотивы и страсти. Далѣе, мы видимъ, что онъ вовсе не былъ такимъ философомъ, который за общими идеями и метафизическими понятіями способенъ позабыть о живой человѣческой жизни; напротивъ, онъ всегда обращается къ этой жизни, къ изученію многообразныхъ проявленій духовной организаціи человѣка. Мы припоминаемъ его философскія разсужденія, вытекающія изъ полноты живого наблюденія, — его непосредственную самобытность, отрицательное отношеніе его мысли ко всему призрачному въ области понятій и вообще къ тому преобладающему значенію, какое придавалось другими философами отвлеченной діалектикѣ и цѣпи логическихъ доводовъ; припоминаемъ интуитивный характеръ его философіи, которая представляется извлеченіемъ поразительныхъ по своей глубинѣ идей изъ богатаго запаса живыхъ наблюденій надъ міромъ и жизнью. Сопоставляя все это, мы не въ состояніи отдѣлаться отъ мысли, что именно

28 апр. 1807 г. (Ludwig Schemann. Schopenhauers-Briefe. Leipzig 1893. S. 61).

¹⁾ Въ curriculum vitae, написанномъ имъ въ 1819 г. для полученія права чтенія лекцій (Соч. VI, 247 и д.). Очень цѣнный въ біографическомъ отношеніи источникъ.

полученное имъ свѣтское, а не школьное воспитаніе въ значительной степени содѣйствовало тому, что его философская мысль приняла именно такое направленіе.

Самъ Шопенгауэръ съ удовольствіемъ и безъ колебаній признавалъ, что избранная его отцомъ метода воспитанія принесла ему большую пользу. Это видно не только изъ того, какъ онъ вспоминаетъ о своемъ воспитаніи въ своемъ *criticulum vitae*, но и изъ его замѣчаній въ «Парерга» о впечатлѣніяхъ дѣтскаго возраста и о воспитаніи (Соч. VI, 248 и д.; IV, 533 и д.; V, 663 и д.).

Еще въ годы ранней юности настроеніе Шопенгауэра стало принимать пессимистическій оттѣнокъ. Его философская проповѣдь отрицанія міра вытекаетъ изъ основныхъ свойствъ его души. Этотъ *юношескій пессимизмъ* Шопенгауэра является *эпохальнымъ* пунктомъ, на который я долженъ обратить вниманіе въ исторіи его развитія.

Прежде всего, это мрачное міросозерцаніе проявляется уже въ упомянутомъ выше дневникѣ путешествія, совершеннаго 15-ти или 16-ти лѣтнимъ юношей. Развалины амфитеатра въ Нимѣ вызываютъ въ юномъ путешественникѣ воспоминаніе о «тысячахъ давно исчезнувшихъ людей», которые проходили здѣсь въ теченіе вѣковъ. Въ Тулонѣ онъ живо представляетъ себѣ совершенно безрадостную и безнадежную жизнь жалкаго галернаго раба; въ его словахъ чувствуется какъ потрясли и омрачили его душу, испытанныя имъ впечатлѣнія. А въ Ліонѣ онъ сравниваетъ неслыханные ужасы революціи, незадолго передъ тѣмъ совершавшіеся въ этомъ городѣ, съ веселымъ и совершенно равнодушнымъ къ памяти объ этихъ кровавыхъ дняхъ движеніемъ на той самой площади, которая еще такъ недавно была мѣстомъ казней. «Непонятно, прибавляетъ онъ,—какъ сила времени можетъ стирать самыя живыя и самыя ужасныя впечатлѣнія». Уже и

тогда онъ чувствовалъ досаду на *время*, которое все сглаживаетъ, все ненасытно пожираетъ и разрушаетъ. Въ теченіе этого же путешествія онъ перевелъ стихотвореніе Мильтона, въ которомъ выражается желаніе бѣжать отъ времени. (Посм. соч. IV, 365).

Въ письмахъ къ матери, жившей въ Веймарѣ, въ 1806 и 1807 гг. ¹⁾ онъ продолжаетъ развивать свои мрачныя мысли о времени. Голѣзненно ощущаетъ онъ тотъ унижительный для человѣка фактъ, который заключается въ непрочности чувствъ и въ опопляющемъ пліініи повседневной жизни. Въ «забвеніи пережитого отчаянія» для него есть что-то ужасное. «Все растворяется въ потокѣ времени. Минуты, безчисленные атомы мелочныхъ моментовъ, на которые распадается всякое дѣйствіе, это — черви, пожирающіе и разрушающіе все великое и смѣлое. Чудовище-повседневность унижаетъ все, что стремится подняться выше». Въ другомъ письмѣ онъ поражается мыслью о томъ, какъ человѣкъ, не смотря на свою вѣчную душу, можетъ совершенно поддаться вліянію мелочныхъ и незначительныхъ впечатлѣній внѣшняго міра. Онъ видитъ, какъ человѣкъ движется «по своей маленькой тропинкѣ, не думая о томъ, откуда и куда онъ идетъ, и заботясь только о ближайшемъ шагѣ». Въ другой замѣткѣ, относящейся къ поздѣйшему времени, онъ гордо противопоставляетъ себя филистерамъ: филистеру простому, вѣрующему въ достижимость полного счастья, и филистеру ученому, гоняющемуся за полной истиной, между тѣмъ какъ въ этой жизни мы можемъ видѣть однѣ только тѣни счастья и истины. Тѣмъ сильнѣе удивленіе и преклоненіе, внушаемая Шопенгауэру музыкой: она даетъ ему счастье, какъ священное чудо. Посреди скудости нашей суровой жизни, посреди тумана и горя, въ музыкѣ дано намъ «непосредственное отраженіе вѣч-

¹⁾ Gwinner, S. 51 53.

наго». Въ этихъ словахъ ярко намѣчена позднѣйшая метафизика музыкальнаго искусства. Наоборотъ, демонъ пробуждающагося полового влеченія внушаетъ ему настоящій ужасъ: онъ чувствуетъ себя позорно поработленнымъ, сброшеннымъ съ высоты идеала въ прахъ и не имѣющимъ силы освободиться изъ этихъ когтей. Въ одномъ изъ его стихотвореній это потрясеніе всего его существа дѣйствіемъ чувственной страсти нашло себѣ бурное выраженіе (II. с. IV, 314, 366 и д.). Такимъ образомъ, уже въ то время обнаруживался рѣзкій расколъ въ его внутренней жизни. Его метафизическій пессимизмъ, ученіе объ ужасной первой основѣ всякаго бытія, которой не слѣдовало бы существовать, также прорывается у него еще въ годы ранней юности. Въ то время, когда онъ, живя въ Веймарѣ, готовился къ поступленію въ университетъ, чтеніе трагедій Софокла внушило ему убѣжденіе, что всякое временное зло имѣетъ свою основу въ безусловномъ, вѣчномъ первобытномъ злѣ ¹⁾).

Шопенгауэръ и самъ признаетъ, что его мысль рано была охвачена пессимистическимъ настроеніемъ. Будучи уже въ зрѣломъ возрастѣ, онъ пишетъ: «На семнадцатомъ году, не получивъ никакого систематическаго школьнаго образованія, я былъ такъ же пораженъ горестями жизни, какъ Будда въ юности, когда онъ увидѣлъ болѣзнь, старость, страданіе и смерть ¹⁾». Само собой разумѣется, что признаніемъ этой ранней склонности его къ пессимизму мы повсе не отрицаемъ въ этомъ пессимизмѣ извѣстной доли истины; пессимистическое міросозерцаніе, къ которому кто-либо чувствуетъ склонность по самой природѣ своей, нисколько не исключаетъ возможности правильныхъ наблюденій, вѣр-

¹⁾ Ibid., S. 74 и 9.

²⁾ Песм. соч., IV, 350. Особенно настаиваетъ на врожденныхъ эллементахъ, какъ источникѣ пессимизма Шопенгауэра, Мобіусъ (Über Schopenhauer. Leipzig 1899. S. 61 и д.).

наго хода мыслей и выводовъ, согласныхъ съ истиной.

Въ *третьихъ* мы должны сказать нѣсколько словъ о ходѣ научныхъ занятій Шопенгауэра. Два года онъ учился въ Геттингенскомъ университетѣ и полтора—въ Берлинскомъ. Прослушавъ одинъ семестръ медицинскаго факультета, онъ перешелъ на философскій и самостоятельно углубился живою критическою мыслью въ старыя и новыя философскія системы. Рѣшительное вліяніе на ходъ его умственнаго развитія имѣлъ, по его собственному признанію, «мудрый» совѣтъ, данный ему его учителемъ въ Геттингенѣ, Готтлибомъ Эрнстомъ Шульце: направить свое прилежаніе, „прежде всего исключительно на изученіе Канта и Платона“ и, не овладѣвъ ими, не приступать къ Аристотелю и Спинозѣ¹⁾. Въ первыхъ же словахъ перваго своего сочиненія Шопенгауэръ называетъ Платона «божественнымъ»: это высокое мнѣніе о древнемъ философѣ сложилось у него по его собственнымъ словамъ еще въ геттингенскія времена, когда онъ только что началъ заниматься имъ (п. с., III, 209 и д.). А о томъ, какъ внимательно онъ въ университетскіе годы изучалъ Канта, свидѣтельствуя тѣ замѣчанія, которыя онъ дѣлалъ при чтеніи его сочиненій и которыя въ настоящее время изданы цѣликомъ (п. с., III, 12—90., 202). Въ этихъ замѣчаніяхъ мы встрѣчаемъ много мыслей, которыя являются характерными для позднѣйшей философіи Шопенгауэра. Важнѣйшимъ фактомъ изъ эпохи его берлинскаго студенчества слѣдуетъ признать его разочарованіе лекціями Фихте. Онъ самъ говоритъ, что поѣхалъ въ Берлинъ въ надеждѣ «узнать въ лицѣ Фихте настоящаго философа и великій умъ», но что «это апріорное поклоненіе вскорѣ

¹⁾ Въ автобіографіи, переданной Шопенгауэромъ въ 1851 г. профессору Эршману въ Галле (Schemann, Schopenhauer-Briefe, S. 331).